
Д. М. ЦЫГАНОВ

**ПУШКИНОВЕДЧЕСКИЕ ТРУДЫ
АКАДЕМИКА В. В. ВИНОГРАДОВА
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА**

Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969) — «главный», по словам его современников, человек в советской русистике, академик АН СССР (1946), лауреат Сталинской премии (1951), в первой половине 1950-х годов возглавлявший Институт языкознания АН СССР, а затем занявший место директора Института русского языка АН СССР, который с 1995 года носит его имя. Виноградов не только стал основателем крупнейшей научной школы,¹ с 1945 года и до конца жизни будучи заведующим кафедрой русского языка филологического факультета МГУ, и возглавил проект по созданию первой академической двухтомной «Грамматики русского языка» (М.: Академия наук СССР, 1952—1954), но и создал ряд основополагающих работ, ставших классикой пушкиноведения уже в 1950-е.² Среди них — «Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка» (М.; Л.: Academia, 1935),

¹ См.: *Рождественский Ю. В.* Виноградовская школа // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 84—85.

² Так, Б. В. Томашевский в докладе об этапах изучения пушкинского творчества на общем собрании Отделения литературы и языка АН СССР 4 июня 1956 г., посвященном пятидесятилетию Пушкинского Дома, говорил: «В области литературно-филологической, по понятным причинам, особое внимание привлечено к вопросам языка и стиля. Но и здесь последнее значительное слово по-прежнему остается за двумя книгами В. В. Виноградова» (*Томашевский Б. В.* Основные этапы изучения Пушкина // *Томашевский Б. В.* Пушкин: В 2 кн. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 472; имеются в виду книги Виноградова «Язык Пушкина» и «Стиль Пушкина». — *Д. Ц.*).

«Стиль Пушкина» (М.: ГИХЛ, 1941), а также несколько объемных статей о языковой специфике пушкинских текстов;³ также под его руководством была завершена подготовка четырехтомного «Словаря языка Пушкина» (М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956—1961). Однако значение Виноградова в истории отечественной филологии не исчерпывается вышеперечисленными заслугами:⁴ документальный контекст конца 1940-х — начала 1950-х годов отчетливо указывает на истинную роль трудов (прежде всего пушкиноведческих) ученого, «ненавидевшего советскую власть»,⁵ но тем не менее верно служившего ей в формировании риторического облика позднесталинской националистически ориентированной диктатуры.

Выпустившись в 1914 году из Рязанской духовной семинарии, Виноградов получил историко-филологическое образование в Пе-

³ См.: Виноградов В. В. 1) О стиле Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 135—214; 2) Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 74—147; 3) Пушкин и русский литературный язык XIX в. // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 543—605; 4) К изучению языка и стиля пушкинской прозы: Работа Пушкина над повестью «Станционный смотритель» // Русский язык в школе. 1949. № 3. С. 18—32; 5) А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. 8. Вып. 3. С. 187—215. Также отметим, что Виноградов касался пушкинской темы и в работах, прямо не связанных с проблемами языка или стиля Пушкина.

⁴ Подробнее о направлениях и результатах научной деятельности Виноградова в качестве ученого, выдвинутого партией и правительством «на руководящую работу в области советского языкознания» см., например: Галкина-Федорук Е. М. Творческий путь академика В. В. Виноградова // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. статей. М., 1956. С. 3—11; Аллатов В. М. Академик Виноградов: Ученый и эпоха // Наш современник. 1998. № 11—12. С. 213—240; Бельчиков Ю. А. Виктор Владимирович Виноградов // Отечественные лингвисты XX века. 2002. № 1. С. 89—119 (позднее эта статья с незначительными уточнениями и добавлениями перепечатана в справочнике: Отечественные лингвисты XX века. М., 2016. С. 95—118). Также стоит упомянуть и несколько мемуарных свидетельств учеников Виноградова, дающих живое представление об облике ученого: Рождественский Ю. В. Виктор Владимирович Виноградов: (Воспоминания школяра) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1995. № 1. С. 51—56; Скворцов Л. И. Наставники — соратники — друзья: О тех, кто нас учил // Моховая, 9—11: Судьбы, события, память. М., 2010. С. 163—176; Из истории русской лингвистики XX века: Беседы с профессором Ю. А. Бельчиковым. М., 2022. С. 17—101.

⁵ По свидетельству Вяч. Вс. Иванова, который считал подлинно «гениальными» лишь те работы Виноградова, которые были созданы до конца 1930-х гг. (сообщила Н. К. Онипенко).

троградском университете, где в 1919 году под руководством А. А. Шахматова защитил магистерскую диссертацию, позднее опубликованную под названием «Исследования в области фонетики северно-русского наречия: (Очерки из истории звука Ъ в северно-русском наречии)» (1919). Собственно научная карьера Виноградова началась в первые годы двадцатых:⁶ в 1923 году он занял должность старшего научного сотрудника Института сравнительно-исторического изучения языков Востока и Запада при ЛГУ, где проработал вплоть до 1928 года. Серьезное влияние на ранние научные сочинения Виноградова оказывали не только его учителя — А. А. Потебня, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов⁷ и Л. В. Щерба,⁸ но и круг Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) — ленинградской «формальной школы» — в лице В. М. Жирмунского,⁹ Ю. Н. Тынянова, Б. В. Томашевского, В. В. Шкловского и, как отмечал сам ученый в разговоре с А. П. Чудаковым, Б. М. Эйхенбаума.¹⁰ Объяснялось это сближение с формалистами не столько приметной общностью методологических воззрений (впрочем, уже в начале двадцатых в этих воззрениях намечаются принципиальные расхождения¹¹), сколько, прежде всего, биографическим и институ-

⁶ О ранних научных работах Виноградова см.: Робинсон М. А. Забытые работы В. В. Виноградова // Русская литература. 1971. № 1. С. 121—126.

⁷ См.: Виноградов В. В. 1) Алексей Александрович Шахматов. СПб., 1922; 2) Учение академика А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку: (Учение о частях речи). М., 1952. С. 3—26. Также см.: Робинсон М. А. А. А. Шахматов и В. В. Виноградов // Русская речь. 1985. № 1. С. 70—74.

⁸ См.: Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы // Памяти академика Льва Владимировича Щербы: Сб. статей. [М.], 1951. С. 31—62.

⁹ В воспоминаниях Ю. В. Рождественского содержится эпизод, наглядно свидетельствующий об отношении Виноградова к Жирмунскому. Во время подготовки очередного выпуска «Вопросов языкознания» Рождественский высказал Виноградову сомнения по поводу качества предложенной Жирмунским статьи, на что Виноградов отреагировал резко: «Мы всегда будем слушаться Виктора Максимовича!» (см.: Рождественский Ю. В. Виктор Владимирович Виноградов. С. 52).

¹⁰ См.: Чудаков А. П. Ранние работы В. В. Виноградова о поэтике русской литературы // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 467. О влиянии формалистов на работы Виноградова о языке художественной прозы см. подробнее: Чудаков А. П. В. В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века // Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980. С. 285—315.

¹¹ В опубликованной в 1923 г. работе Виноградов писал: «...большинство русских (особенно новых) попыток стилистического анализа (например, работы Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского) неудовлетворительны методологи-

циональным контекстами: с марта 1924 года Виноградов числился заведующим Отделом словесных наук Государственного института истории искусств, а с 1925-го по 1929-й заведовал Секцией художественной речи (тогда же шла работа над книгой «О языке художественной прозы»). В 1930 году Виноградов (по всей видимости, из-за начавшегося разгрома института¹²) перебрался в Москву, где занял профессорскую должность сперва в Московском университете (1930—1932), а затем в Институте иностранных языков (1932—1934). Примечательно, что в предисловии к описи довольно скудного личного фонда ученого в архиве Академии наук подробно описывается деятельность Виноградова в Москве в период с 1930 по 1934 год, за этим следует трехлетний пробел — до 1937 года, с которого и возобновляется подробная биографическая справка.¹³ Дело в том, что 8 февраля 1934 года в квартиру Виноградова в Большом Афанасьевском переулке (д. 41, кв. 8) пришли с обыском, после которого ученый был арестован по так называемому «делу славистов»¹⁴ (дело «Российской национальной партии») за связь с Пражским лингвистическим кружком (вину с Виноградова снимут еще при жизни, в 1964 году). По воспоминаниям вдовы, вещественное доказательство — книгу Н. С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927), которая была передана Виноградову Н. Н. Дурново, — следователям обнаружить так и не удалось (несколькими днями позднее том был уничтожен).¹⁵ Виноградова приговорили к трем годам административной высылки, и 17 апреля 1934 года он был отправлен в Киров (Вятку). Сданную в набор рукопись книги «Язык Пушкина» по поручительству возглавлявшего издательство «Academia» Л. Б. Каменева не «обезглавили», сохранив на титуле имя арестованного автора. В ссылке Виноградов по ходатайству Д. Н. Ушакова смог продолжить работу

чески» (цит. по: Виноградов В. В. О задачах стилистики: Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // В. В. Виноградов. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980. С. 39; курсив наш. — Д. Ц.). Интересно, что эту статью Трубецкой в письме к Якобсону от 18 августа 1924 г. назовет «превосходной» (см.: Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М., 2004. С. 63).

¹² Подробнее см.: Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920—1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде (по архивным материалам): Сб. статей. М., 2014. С. 8—128.

¹³ АРАН, ф. 1602, оп. 1: Научные труды, биографические документы, фотографии, документы научно-организационной и общественной деятельности, репериска за 1911—1970 гг. С. 2—4.

¹⁴ См. об этом: Ашин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

¹⁵ См. подробнее: Из воспоминаний Н. М. Мальшевой-Виноградовой // Вестник Европы. 2010. Т. 28—29. С. 216—238.

над четырехтомным «Толковым словарем русского языка» (1935—1940) — «уникальным памятником тоталитарного языка советского периода».¹⁶

Близился столетний юбилей кончины Пушкина. Ходатайства пушкинистов,¹⁷ дружественно расположенных к Виноградову еще с ленинградского периода его деятельности, послужили стимулом к досрочному освобождению ученого 1 мая 1936 года. Из-за невозможности законно жить в Москве Виноградов поселяется в Можайске, откуда ездит в столицу читать лекции в Пединституте имени А. С. Бубнова. Критика его пушкиноведческих работ в эти годы носит почти «проработочный» характер: одна за другой появляются разгромные рецензии, главный посыл которых точнее всего передаст вердикт защитившего в Пушкинском Доме диссертацию по теме «Пушкин и реакционный романтизм» (1935) Б. С. Мейлаха. В статье 1936 года он писал: «Выводы <Виноградова> неверны, верные наблюдения неправильно истолкованы».¹⁸ В годы Большого террора ученый все же смог избежать повторного ареста и умело пресек начавшуюся в конце 1930-х годов травлю, обратившись к Сталину в марте 1939 года и приложив к письму две свои книги.¹⁹ Виноградову было позволено вернуться в Москву; там и продолжились его научные занятия по проблемам языка и стиля Пушкина.²⁰

¹⁶ См. подробнее: *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

¹⁷ Впоследствии Виноградов принимал самое деятельное участие в подготовке юбилейного академического полного собрания сочинений Пушкина. Стоит отметить, что он входил в немногочисленный круг специалистов (среди них — С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский), способных продуктивно работать с черновыми автографами Пушкина (об этом см., в частности: *Виноградов В. В.* О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина // Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л., 1964. С. 277—290).

¹⁸ См. подробнее: *Мейлах Б. С.* [Рец. на статью:] В. В. Виноградов. О стиле Пушкина («Лит. Наследство», № 16—18) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 342—345.

¹⁹ См. письмо Виноградова к Сталину, не ранее 5 февраля 1939 г. (Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 1999. С. 426—427). По предположению Б. А. Успенского, этими книгами могли быть две части вышедшего в 1938 году «Современного русского языка» (М.: Учпедгиз, 1938).

²⁰ Накануне войны Виноградов публикует 60-страничную статью «Пушкин и русский литературный язык XIX века» в сборнике «Пушкин — родоначальник новой русской литературы» (М.; Л., 1941. С. 543—605) под редакцией Д. Д. Благого и В. Я. Кирпотина, напечатавшего важную для понимания культурных конфликтов той эпохи книгу «Наследие Пушкина и коммунизм» (М.: ГИХЛ, 1936).

С началом войны из Центрального комитета партии было спущено поручение «очистить Москву от социально-опасного элемента», в результате чего Виноградов должен был покинуть столицу и на правах «административно высланного» поселиться в Тобольске, куда он и прибыл 7 августа 1941 года. В июне 1943 года судимость с ученого была снята, и Виноградов вновь вернулся в Москву, где его научная карьера вступила в фазу непрерывного стремительного роста.²¹ Произошедший в середине 1940-х годов внезапный карьерный «взлет» неоднократно репрессированного Виноградова оказался бы попросту невозможным без личного участия Сталина, который в послевоенный период все больше внимания уделял вопросам «культурного строительства». Мотивы укрепления позиции Виноградова в ситуации обострявшегося «сталинского руссоцентризма»²² становятся понятными при рассмотрении политико-идеологической ситуации нескольких первых послевоенных лет, характеризующейся стремительным перерождением прямых форм вооруженного конфликта в глобальное противостояние СССР и «загнивающего капиталистического Запада», базирующееся в первую очередь на идейных противоречиях.

* * *

Холодная война уже в 1945—1946 годах оформилась как конфликт сугубо *текстуальный*:²³ его условное начало связывается с произнесенной 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже Фултонской речью будущего лауреата Нобелевской премии по литературе (1953) У. Черчилля и с последовавшим вскоре ответом И. Сталина, 14 марта 1946 года опубликованным в «Правде» в формате интервью корреспонденту партийной газеты.²⁴ В этом интервью проводились прямые аналогии между бывшим британским пре-

²¹ О буквальном «карьерном бешенстве» Виноградова, «уничтожившем в нем ученого», писала в записных книжках Л. Я. Гинзбург (см. подробнее: *Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе.* СПб., 2002. С. 359—360).

²² См. об этом: *Бранденбергер Д. Л. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.).* М., 2017 («История сталинизма»).

²³ Подробнее см.: *Цыганов Д. М. Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // Rossica: Литературные связи и контакты. 2022. № 2. С. 191—268. Схожий взгляд на специфику холодной войны представлен в кн.: *Hinds L., Windt T. The Cold War as Rhetoric: The Beginnings, 1945—1950.* New York; London, 1991.*

²⁴ Интервью тов. И. В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // *Правда. 1946. № 62 (10144). 14 марта. С. 1.*

мьер-министром (по Сталину — создателем «английской расовой теории») и Гитлером — создателем «немецкой расовой теории». Сталин усматривает в выступлении Черчилля призыв к новой войне (ср.: «Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР»²⁵). Однако в этой передовице содержится еще одно положение, в известной мере проясняющее причудливые идеологические метаморфозы режима в эпоху позднего сталинизма. Давая вполне закономерный ответ на вопрос о негативных последствиях речи Черчилля для «дела мира и безопасности», респондент отметил:

Английская расовая теория приводит г. Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела, г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.²⁶

Очевидная невозможность возобновления боевых действий привела к актуализации не столько глобальных политических и экономических, сколько культурно-идеологических противоречий: изменилась сама специфика межгосударственных отношений, ранее представлявшихся рядом разрозненных взаимодействий. В отношении к периоду позднего сталинизма справедливо говорить о целенаправленно осуществлявшемся процессе структурирования мирового политического пространства, эксплуатировавшем самые разнообразные институциональные ресурсы. Окончательно оформившийся в культурном пространстве послевоенной эпохи конфликт двух конкурировавших дискурсов требовал от советской стороны поиска новых *текстуальных* инструментов противодействия «поджигателям новой войны». Подобная постановка вопроса определила две наиболее значительные тенденции позднесталинской «культурной политики», которые по сути своей были сонаправленными.

Первое направление имело отчетливо репрессивный характер и было ориентировано на устранение из советского риторического пространства всех элементов, так или иначе соотносящихся с идеей «низкопоклонства перед Западом». Именно в рамках этого направления осуществлялось спровоцированное вышеприведенными сло-

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

вами Сталина вытеснение английского языка за пределы научного поля, маргинализация англистики как отрасли советского языкознания. В тяжелый для отечественной русистики период второй половины 1940-х годов жесткой критике подверглись занимавшиеся сравнительным литературоведением ленинградские филологи-«космополиты»,²⁷ в числе которых был избранный в 1946 году членом-корреспондентом Академии наук декан филологического факультета Ленинградского университета М. П. Алексеев. 16 октября 1947 года в университетской газете появилось подробное описание доклада ректора ЛГУ А. А. Вознесенского, в котором говорилось:

Иногда встречается в нашей среде и преувеличение роли культуры и языка того или иного народа. На одном из заседаний Ученого совета уважаемый член совета, академик, проводил ту мысль, что у нас можно предложить студентам изучать один язык, именно английский, а это потому-де, что это язык мировой культуры и что ему предстоит ведущая роль в ее развитии. «Мы вовсе не собираемся отдавать нашего революционного первенства другим народам, мы вовсе не полагаем, что русский язык имеет или будет иметь меньшее значение в истории развития человеческой культуры, чем английский язык», — заявил профессор А. А. Вознесенский под громкие аплодисменты присутствующих.²⁸

Не может быть сомнений в том, что этим «уважаемым членом совета» был именно Алексеев, в середине 1940-х годов опубликовавший ряд работ, посвященных роли английского языка в развитии русской литературной культуры.²⁹

Второе же направление было связано с усугублением наметившихся еще к середине 1930-х годов националистических настроений в обществе и закономерно провоцировало возрастание идеоло-

²⁷ См. подробнее: Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е гг.: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1—2.

²⁸ Против низкопоклонства перед буржуазной наукой // Ленинградский университет. 1947. № 32. 16 окт. С. 3.

²⁹ См., например: Алексеев М. П. 1) Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. Сер. филологических наук. 1944. № 72. С. 77—137; 2) К истории понятия «английская литература» // Научная сессия [Ленинградского университета] (16—30 ноября 1945 г.): Тезисы докладов по секции филологических наук. Л., 1945. С. 29—37; 3) Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии [Ленинградского университета]. Секция филологических наук. Л., 1946. С. 179—223; 4) Несколько английских книг библиотеки А. С. Пушкина // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 6. С. 27—32.

гической роли русского литературного языка, определявшегося как «национальный» язык, окончательно оформившийся в творчестве Пушкина.³⁰ Вместе с тем вопрос о русском языке в обстановке обострившихся западно-советских отношений приобретал откровенно инструментальный характер, что точнее всего выразилось в книге Виноградова «Великий русский язык» (1945):

Русский язык является очагом, откуда излучаются и распространяются социалистические, советские термины, выражения социалистических, советских идей и чувств не только во весь круг братских языков и народов нашего многоязычного государства, но и во все языки мира.³¹

Столкновение между двумя системами — «социализмом» и «капиталистическим империализмом» — мыслилось советской стороной как неизбывное: идеологические принципы внешней политики СССР вплоть до 1956 года³² базировались на работе В. И. Ульянова-Ленина «Социализм и война» (1915), где утверждалась неизбежность военного столкновения между государствами, принадлежащими к разным общественно-экономическим формациям; при этом сама война в официальной советской политической доктрине воспринималась как способ насаждения («экспорта») социализма, его распространения в общемировом масштабе. Но и сам русский литературный язык, следуя логике Виноградова, являлся инстру-

³⁰ Ср. хотя бы у М. Н. Петерсона, в 1920 г. возглавлявшего Московский лингвистический кружок, к идеям которого тяготел и Виноградов: «С эпохи Пушкина начинается новый период в развитии русского литературного языка. С этого времени можно считать начало современного русского языка» (*Петерсон М. Н. Лекции по современному русскому литературному языку: Пособие для студентов пединститутов.* М., 1941. С. 11).

³¹ Виноградов В. В. Великий русский язык. М., 1945. С. 171.

³² Именно в феврале 1956 г. в отчетном докладе на открытии XX съезда КПСС Н. С. Хрущев, обсуждая принципиальные вопросы международного развития, пойдет вразрез с ленинским учением и заметит, что «фатальной неизбежности войн нет», а главным принципом, определяющим внешнеполитический курс Советского Союза, назовет идею «мирного сосуществования государств с различным социальным строем» (см.: *Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии.* 14 февраля 1956 г. // XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года: Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 34, 37). Для точности заметим, что неизбежность войны отрицалась еще задолго до хрущевского доклада, однако отрицания эти имели сугубо декларативный характер и слабо соотносились с реальным политическим курсом Советского государства.

ментом этого «экспорта» социализма («советских идей»).³³ Позднее будет осознан и «боевой» потенциал русского языка, надежно связанный в сознании «советского человека» с образом Пушкина (ср. хотя бы у В. Инбер в стихотворении «Русский гений» (1949): «Неправда, будто на войне / Смолкает голос муз. / На фронте с Пушкиным вдвойне / Был крепок наш союз. // Без типографского свинца / И там не обошлось, / Он, спаян с пулею бойца, / Разил врага насквозь»³⁴). Господствующим положением этой тенденции в послевоенном СССР во многом объясняется возвышение Виноградова, с середины 1930-х годов последовательно разрабатывавшего вопрос о роли Пушкина в истории русского литературного языка. Примечательно, что в более ранних виноградовских работах мысль о ключевом значении пушкинского творчества для становления русского языка нового типа высказывалась еще не так определенно, тогда как в 1940-е годы она приобрела известный радикализм.

В книге «Язык Пушкина» (1935) еще довольно осторожно формулируется идея «демократической реформы», которая ляжет в основу концепции более поздних пушкиноведческих работ Виноградова. Ученый отмечает пушкинское «тяготение к созданию — на национальной основе — русского литературного языка, не уступающего европейским»,³⁵ но прямо о Пушкине как о создателе русского литературного языка не пишет. Отсутствие внятной формулировки, на первый взгляд, может объясняться авторской установкой на ил-

³³ О виноградовском понимании языка см.: *Ревзина О. Г. Язык писателя и литературный язык в концепции В. В. Виноградова // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2015. № 6. С. 7–23.*

³⁴ *Инбер В. Избранное. М., 1950. С. 32–33.* Представление Инбер о литературе как об инструменте ведения войны выразилось и в ее публицистике (ср. хотя бы: *Инбер В. Боеспособность стиха: [Из выступления на творческом совещании в Союзе писателей] // Литература и искусство. 1943. № 14 (66). 3 апреля. С. 2).*

³⁵ *Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935. С. 20.* Сформулированная Виноградовым идея «оригинального синтеза трех разных социально-языковых стихий», берущая исток в этой книге, в кругах ленинградской профессуры подверглась серьезной критике. В частности, В. А. Гофман в начале 1937 г. писал, что «даже после революции, в некоторых новейших работах, дается двусмысленная, неверная оценка, искажающая роль Пушкина в истории русского литературного языка. Вот любопытный образец новейшей теоретической путаницы в сочетании с высокомерной снисходительностью к создателю нашего литературного языка», после чего следовала пространная цитата из работы Виноградова, однако его имя прямо не называлось (см.: *Гофман В. А. Язык поэзии Пушкина // Звезда. 1937. № 1. С. 171).*

люстративность,³⁶ но более убедительной видится мысль о том, что Виноградов в 1930-е годы попросту не был готов назвать Пушкина «основоположником» русского литературного языка, отводя ему роль поэта, утвердившего «синтез “русско-французской” литературной речи с национально-бытовым просторечием, “славенским” книжным языком и с семантическими формами других западно-европейских литератур»,³⁷ выдвинувшего «принцип национально-исторического синтеза разных социально-языковых категорий», посредством которого поэт лишь «надеялся создать на основе дворянской культуры речи литературную систему общенационального выражения».³⁸ Кроме того, эта точка зрения внятно коррелирует с важной для Виноградова шахматовской концепцией языковой эволюции, сформулированной во вводном разделе к «Очерку современного русского литературного языка»; Шахматов писал: «Только в XVIII веке <...> книжному языку узаконивается единственный путь развития и совершенствования — это следование за языком разговорным, слияние с ним».³⁹ Не обретает однозначной трактовки вопрос о пушкинской роли в истории становления русского языка нового типа и во втором издании «Очерков по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1938). В соответствующем разделе «Язык Пушкина и его значение в истории русского литера-

³⁶ Об этой черте «Языка Пушкина» довольно резко высказывался Г. А. Гуковский в книге, вышедшей посмертно в 1966 г.: «Обилие цитатных примеров у В. В. Виноградова объясняется тем, что его исследование эмпирично, тем, что исследователь не ищет единства и объяснения всех возможных цитат в основном для всего текста принципе стиля, тем, что о стиле Пушкина он не говорит, а говорит лишь об эмпирически-наблюденных и вынутых из общей связи частностях его» (Гуковский Г. А. Изучение литературного произведения в школе: Методологические очерки о методике. М.; Л., 1966. С. 126). Об этом же годом позднее, в 1967 г., скажет и И. Л. Андроников на банкете по случаю присуждения ученому Государственной премии: «Да, мой метод — рассказы прабабушек. Но для этого я должен поехать, разыскать, заставить вспомнить, словом, что-то сделать. У Виктора Владимировича все значительно проще: он достает одну книгу с полки своего кабинета, выписывает цитату, то же проделывается с другой и третьей книгами, затем цитаты помещаются одна за другой и издаются как научный труд Виктора Владимировича, где есть все, нет только собственных конструктивных положений» (цит. по: Глушаков П. С. Забытый эпизод из истории советского литературоведения (Андроников — Бонди — Виноградов — Гуковский — Оксман) // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107). С. 393).

³⁷ Виноградов В. В. Язык Пушкина. С. 110.

³⁸ Там же. С. 194.

³⁹ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка: (Курс, читанный в Санкт-Петербургском университете в 1911—12 учебном году). СПб., 1913. С. 21.

турного языка»⁴⁰ Виноградов пишет, всецело опираясь на опыт своего исследования 1935 года:

Язык Пушкина, отразив прямо или косвенно всю историю русского литературного языка, начиная с XVII в. до конца 30-х годов XIX в., вместе с тем определил во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи и продолжает служить живым источником и непревзойденным образцом художественного слова для современного читателя. <...> Пушкин прежде всего произвел новый, оригинальный синтез тех разных социально-языковых стихий, из которых исторически складывается система русской литературной речи...⁴¹

Однако Пушкин, несмотря на прошедшие в 1937 году торжества по случаю столетнего юбилея с момента кончины поэта,⁴² «основоположником» литературного языка по-прежнему не объявлялся. Речь шла лишь о том, что он «создал и санкционировал многообразие национальных стилей, многообразие стилистических контекстов, спаянных темой и содержанием».⁴³ Отсутствие радикализма в выводах о пушкинской роли могло объясняться как стремлением

⁴⁰ «Протографом» для этого раздела послужила объемная статья Виноградова, опубликованная в 1937 г. (см.: Виноградов В. В. Пушкин и русский язык // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2—3. С. 88—108).

⁴¹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. С. 227. Отметим, что понятие «синтеза» для Виноградова являлось важнейшей аналитической категорией. Так, «синтез <...> достижений романтической культуры художественного слова», по Виноградову, совершил и Лермонтов, но лишь с помощью «пушкинской системы выражения» (см.: Виноградов В. В. Язык Лермонтова // Русский язык в школе. 1938. № 3. С. 39—43).

⁴² Однако уже в конце 1930-х гг. за Пушкиным в кругах профессиональных филологов закрепляется репутация создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы, но подавляющее большинство таких теоретических или историко-литературных выкладок в своей аргументации исходят из аргументов Виноградова, к тому моменту еще не решавшегося прямо заявлять о пушкинской роли «основателя» литературного языка. Из наиболее характерных работ укажем следующие: Томашевский Б. В. Язык и стиль Пушкина // Пушкин А. С. Соч. Л., 1935. С. 918—923; Гофман В. А. Язык Пушкина // Стиль и язык А. С. Пушкина. 1837—1937: [Сб. статей]. М., 1937; Орлов А. С. Пушкин — создатель русского литературного языка // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. М.; Л., 1938. С. 97—115; Десницкий В. А. Пушкин — родоначальник новой русской литературы // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина. С. 117—140; Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.; Л., 1941.

⁴³ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка. С. 268.

к научной объективности, так и наличием у Виноградова целостного представления о принципах изменения и развития литературного языка, попросту не позволявшего «замкнуть» этот многосложный процесс на творчество одного — пусть даже наиболее выдающегося — поэта. Тем не менее в статье 1936 года «Язык Гоголя» Виноградов, которого в начале двадцатых причисляли к «гоголианцам»,⁴⁴ писал, что именно «перед Гоголем возникает задача: установить общий для всего этого “среднего сословия” национально-языковой фонд словесного выражения и при его посредстве сломать старую систему литературно-книжного языка».⁴⁵ Очевидно, что именно Гоголю Виноградов в середине 1930-х годов отдает приоритет в вопросе создания национального языка (осуществления искомого «синтеза»), однако вскоре ученый переменит свою позицию. Сходный рационализм суждений Виноградов проявляет и в упомянутой статье «Пушкин и русский литературный язык XIX в.» 1941 года. Объявленное в предисловии к вышедшему в Институте мировой литературы сборнику «изучение роли Пушкина как создателя нашего литературного языка» в статьях Винокура и Виноградова⁴⁶ вовсе не нашло отражения в указанных работах. Так, Виноградов лишь осторожно подмечает, что «Пушкин впервые в истории русской культуры практически разрешает в образцах своего искусства вопрос о единой семантической системе литературного языка, о национальных основах и истоках ее»,⁴⁷ следом делая оговорку: «Однако и после пушкинской реформы Белинский в конце 30-х — начале 40-х годов постоянно жаловался на то, что многие элементы морфо-

⁴⁴ В 1921 году Е. П. Казанович писала о Виноградове: «<Виноградов> открывает своими этюдами о Гоголе новую страницу в изучении этого крупного, причудливого художника. До сих пор так тщательно изучался в русской словесной науке только Пушкин <...>; во всяком случае, после работ Виноградова изучение Гоголя не может продолжаться по-прежнему» (цит. по: Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 180).

⁴⁵ Виноградов В. В. Язык Гоголя // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 340. Примечательно, что Пушкину в этой статье отводится довольно скромная роль. Виноградов пишет лишь, что «в сущности, Гоголь тесно примыкает в этом направлении (т. е. в борьбе с «дворянскими салонными стилями». — Д. Ц.) к Пушкину, продолжая его борьбу с “жеманством”, “чопорностью”, провинциальной манерностью во имя “нагой простоты”. Однако националистический демократизм Гоголя более прямолинеен, односторонен» (Там же. С. 311).

⁴⁶ От редакции // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. [5].

⁴⁷ Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX века // Там же. С. 566.

логической системы русского языка еще находились в брожении». ⁴⁸ То же отсутствие всякой определенности мы видим и в книге «Стиль Пушкина» (1941), где поэт провозглашался «создателем литературного слога», ⁴⁹ но отнюдь не литературного языка. В остальном же виноградовская концепция осталась неизменной. Ключевая роль в ней по-прежнему отводилась «синтезу» различных стилистических структур, осуществленному в творчестве Пушкина:

Пушкин ищет широкой синтетической системы национально-поэтического стиля, в которой и образы книжно-лирического языка, и обороты, выражения живой русской речи, и отражения старой литературно-художественной традиции должны объединиться и раствориться в струе русского народно-поэтического творчества. ⁵⁰

И далее:

Именно с Пушкина и благодаря Пушкину русская литература становится европейской и входит в систему западноевропейских литератур как великая национальная литература великого народа. ⁵¹

Проникнутые национальным пафосом пушкиноведческие труды Виноградова 1930-х годов тем не менее отмечены малой степенью политической ангажированности, что, по-видимому, обусловлено отсутствием в тот период устойчивого «спроса» на националистическую риторику. ⁵² Более поздние работы ученого середины — конца

⁴⁸ Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX в. С. 567.

⁴⁹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 37.

⁵⁰ Там же. С. 235—236.

⁵¹ Там же. С. 619.

⁵² Джонатан Брукс Платт замечает, что Виноградов был единственным ученым, которому в 1930-е гг. удалось создать монументальное двухтомное исследование, посвященное языковому и стилистическому аспектам творчества Пушкина. Однако главной проблемой, волнующей исследователя, становится тайна, «как ему <Виноградову> удалось заниматься Пушкиным, не присоединяясь к обсуждению главного вопроса юбилея — вопроса о том, почему великий русский поэт А. С. Пушкин по-прежнему актуален *сегодня*?». Сам Платт утверждает, что Виноградов видел в Пушкине национального поэта, который всегда остается актуальным для русской нации: «Виноградов верил в это, и поэтому ему не приходилось заниматься текстологической работой или сравнительными исследованиями, чтобы уклониться от темы “Пушкин и современность”. В отличие от многих других, ему не приходилось искать убежища в идеологических штампах. Он просто методично занимался реализацией конкретного монументалистского проекта: он писал историю стилистики литературного русского языка, причем делал это так, как будто он жил в национальном сообществе, которое было способно оценить его труд» (Платт Дж. Б. Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб., 2017. С. 164—165).

1940-х годов обнаруживают вполне явный отход от строго научного дискурса в сторону идеологического производства востребованных сталинским режимом нередко утрированных, а подчас и откровенно спекулятивных смыслов.

* * *

Вышедшая в 1944 году в издательстве «Правда» брошюра «Величие и мощь русского языка», позднее легшая в основу книги 1945 года «Великий русский язык», начинается цитатой из ранней работы Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913), тогда как ни одна из предшествующих работ Виноградова подобных ритуальных ссылок не содержит. Серьезно изменилась не только виноградовская трактовка языка, который стал определяться как «один из существенных признаков нации», «мощное орудие культуры и важнейший фактор духовного развития нации»,⁵³ но и понимание пушкинской роли в истории становления литературного языка. Так, Виноградов писал, что «для Пушкина народность языка определяется всем содержанием национальной русской культуры в ее историческом развитии».⁵⁴ Это демагогическое суждение является дословным повтором из обсуждавшейся выше статьи Виноградова для сборника Института мировой литературы. Разница состоит лишь в том, что в работе 1941 года этот идеологически нагруженный тезис помещался в контекст языковедческих разысканий, в котором его «агитность» нейтрализовывалась, а в этом тексте тезис подается в качестве своеобразного комментария к пушкинской цитате (а далее следуют цитаты из статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине» (1835) и из заметки Ленина «Нужен ли обязательный государственный язык?» (1914); венчает этот ряд утверждение об Энгельсе как о «выдающемся лингвисте-полиготе».⁵⁵ Именно в этой брошюре Виноградов впервые прямо определяет Пушкина как «создателя нового русского литературного языка».⁵⁶ Однако интерес вызывает не столько сама постановка вопроса, в известной мере мотивированная восходящим к трудам Белинского представлением о «пушкиноцентрической» модели русской культуры, получив-

⁵³ Виноградов В. В. Величие и мощь русского языка. М., 1944. С. 3; курсив наш. — Д. Ц.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Интересно, что набор приводимых Виноградовым имен и высказываний является как бы кратким конспектом-протографом статьи «Народность» из «Большой советской энциклопедии» в 50 томах.

⁵⁶ Виноградов В. В. Величие и мощь русского языка. С. 5.

шей теоретико-литературное обоснование в трудах формалистов, сколько то, каким образом эта идея встраивалась в контекст западно-советских взаимоотношений, приспособляясь под нужды позднесталинской конфронтационной политики. Уже одно лишь сравнение параллельных мест двух виноградовских работ середины 1940-х годов внятно указывает на направление, в котором эволюционировала формулируемая в них концепция развития русского литературного языка:

Виноградов В. В. Величие *Виноградов В. В.* Великий русский язык. и мощь русского языка. М.: Гослитиздат, 1945.
М.: Правда, 1944.

«Пушкин, который по праву называется создателем нового русского литературного языка, много раз говорит о глубокой самобытности русского национального стиля» (с. 5).

«За Карамзиным и декабристами в истории русской речевой культуры следует Пушкин, который по праву называется создателем нового русского литературного языка. Пушкин не устает твердить о глубокой самобытности русского языка, об индивидуальных особенностях русского национального стиля, резко отличающих его от “европейского жеманства и французской утонченности”» (с. 15).

Однако здесь нельзя говорить о пресловутом приспособлении виноградовских построений под конъюнктуру или, напротив, о приближении идеологии к панславистским и славянофильским взглядам ученого:⁵⁷ точнее будет сказать, что это было взаимное движение, в результате которого мировоззренческая модель Виноградова и актуальная риторика, причудливо комбинируясь, образовывали сложное «единство в многообразии». Соответствующий акцент в книге делался и на теме национального строительства, неизбежно предполагавшего консолидацию социума и в условиях послевоенного периода обретшего существенное влияние на «культурную политику»,⁵⁸ направленную на формирование единого пространства сталинской соцреалистической культуры:

Стиль народной поэзии представляется Пушкину воплощением духа русского языка, тем бродильным началом национальности,

⁵⁷ Эта точка зрения выдвинута В. М. Алпатовым, который утверждает, что в середине 1940-х гг. «конъюнктура приблизилась к тому, что думал Виноградов» (см. подробнее: *Алпатов В. М.* Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 1 (53). С. 214–216).

⁵⁸ См. подробнее: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1954. М., 2000.

которое несет новую жизнь и движение в литературную речь. <...> В пушкинском языке была впервые найдена *общенародная норма русского языка*.⁵⁹

И далее:

...язык Пушкина представлял собой своеобразную квинтэссенцию национального русского словесного искусства, русского поэтического стиля. <...> Являясь высшим воплощением национальнорусской художественной нормы, словесное искусство Пушкина так же народно, как народны пословицы, песни, сказки, былины.⁶⁰

Завершает все эти рассуждения профессионального филолога соображение, что «жизнь и творчество Пушкина стали для многих символом русского национального духа. Гений писателя отождествился с гением России».⁶¹ В этом, по всей видимости, и состояло то «углубленное понимание» «национального значения творчества Пушкина», о котором в 1956 году говорил Б. В. Томашевский.⁶² Думается, не стоит лишней раз указывать на отнюдь не научные стимулы подобных тезисов. Ограничимся лишь констатацией очевидной перемены в приоритетах Виноградова: на смену стремлению к объективности и беспристрастности изложения фактов пришла ориентация на идеологическую обстановку и политическое «чутье», позволившее ученому в довольно короткий срок возглавить советскую русистику.

Награда за принесенную сталинскому режиму «жертву» не ставила себя долго ждать: уже 1 июня 1945 года в газете «Московский университет» появляется известие о присуждении Виноградову решением Ученого совета МГУ Ломоносовской премии первой степени за еще не опубликованную к тому моменту книгу «Русский

⁵⁹ Виноградов В. В. Великий русский язык. С. 104; курсив наш. — Д. Ц.

⁶⁰ Там же. С. 129—130. Особый интерес Виноградова к проблеме «народности» оказывается симптоматичным для риторического режима сталинизма, вступающего в финальную стадию своего развития. Примерно в это же время появляются другие тексты, в которых актуализируется полемика вокруг «народности» как одного из «критериев» сталинского официального дискурса; см., напр.: Ермилов В. В. Самая демократическая литература мира. М., 1947; Рьельский М. Ф. Литература и народ: Статьи. М., 1959. Подробнее об этом см.: Гюнтер Х. Тоталитарная народность и ее истоки // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 377—389.

⁶¹ Виноградов В. В. Великий русский язык. С. 131.

⁶² Томашевский Б. В. Основные этапы изучения Пушкина. С. 472—473.

язык: Грамматическое учение о слове» (М.; Л.: Учпедгиз, 1947).⁶³ А уже через неделю, 8 июня, вышел приказ о назначении профессора деканом филологического факультета. Но на этом продвижение ученого в бюрократическом контексте советской гуманитаристики не прекратилось: 30 ноября 1946 года состоялось избрание Виноградова действительным членом Академии наук СССР по Отделению литературы и языка. Тезис о «демократической реформе», расширившийся к середине 1940-х годов до идеи осуществленного Пушкиным «национального сплочения», оградил Виноградова от обвинений в «космополитизме», которые посыпались на ученого после публикации в 1947 году книги «Русский язык». Самым грозным выпадом против Виноградова стала рецензия Б. Н. Агапова и К. Л. Зелинского «Нет, это — не русский язык», опубликованная 29 ноября 1947 года в «Литературной газете» (№ 59 (2374)). Вдова ученого вспоминала: «Его обвиняли в идеализме, формализме, низкопоклонстве перед Западом и даже хотели объявить его “космополитом”. Последнее обвинение было снято самим ЦК, где нашли, что В<иктор> В<ладимирович> русский ученый и для обвинения в космополитизме не подходит».⁶⁴ Он не был привлечен к ответственности и в связи с критической кампанией против книги И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература» (М.: Советский писатель, 1941),⁶⁵ тогда как уже упомянутого М. П. Алексеева,

⁶³ Этот том явился результатом основательной переработки более ранней книги Виноградова «Современный русский язык: Грамматическое учение о слове» (М.: Учпедгиз, 1938).

⁶⁴ Из воспоминаний Н. М. Малышевой-Виноградовой. С. 234. Подробнее о дискуссии по поводу книги Виноградова см.: *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Т. 1. С. 574–581.

⁶⁵ 20 февраля 1947 г. генеральный секретарь Союза писателей А. А. Фадеев выступил в Институте мировой литературы с докладом, в котором он охарактеризовал упомянутую книгу как образец «раболопного преклонения перед всем, что идет из Западной Европы» (затем текст этого выступления был вновь воспроизведен Фадеевым в конце июня 1947 г. на XI пленуме правления Союза советских писателей; позднее доклад был напечатан в «Литературной газете» (см.: Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Доклад генерального секретаря ССП СССР тов. А. Фадеева // Литературная газета. 1947. № 26 (2341). 29 июня. С. 1–2). Позднее стенограмма фадеевского доклада была переработана им в статью «Задачи литературной теории и критики», печатавшуюся в периодике под разными названиями. Г. Костырченко, описывая травлю Нусинова Фадеевым, отмечает, что «ее непосредственным инициатором был писатель Н. С. Тихонов», в 1946 году смещенный с поста руководителя ССП. 9 мая 1947 года Тихонов опубликовал в «Культуре и жизни» статью «В защиту Пушкина», где обрушился на вышедшую семью годами ранее книжку Нусинова (см. подробнее: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 314–

опубликовавшего в 1938 году статью «Пушкин в мировой литературе»,⁶⁶ эти события, несмотря на номинальное тождество их с Виноградовым управленческих позиций, серьезно затронули.

Очередной период «возвышения» Виноградова был связан со столетием юбилеем Пушкина 1949 года.⁶⁷ Не так широко отмечавшийся по сравнению с довоенными торжествами по случаю столетия со дня гибели поэта «праздник социалистической культуры» существенно изменил идеологическую «фокусировку»: на смену проблеме налаживания коммеморативных практик⁶⁸ и связанному с ней вопросу об актуальности пушкинского творчества в стране победившего социализма пришли иные идеологические установки, отвечавшие потребностям политики холодной войны.⁶⁹ В предисловии к сборнику материалов юбилейных торжеств 1949 года, в редколлегия которого входил Виноградов, недвусмысленно утверждалось: «150-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина праздновалось в знаменательной обстановке мощного объединения прогрессивных сил всего передового человечества вокруг первого в мире социалистического государства».⁷⁰ Виноградов хоть и не участвовал в торжественных заседаниях собрания Академии наук в роли докладчика,⁷¹ но к юбилейной дате подгото-

318). Позднее на Нусинова обрушится и В. В. Ермилов, который напишет в статье «За боевую теорию литературы», что «взгляды, совершенно тождественные тем взглядам, которые нашли выражение в книжке И. Нусинова, имеют хождение и на других участках идеологического фронта» (Литературная газета. 1948. № 69 (2452). 29 авг. С. 3). Иначе говоря, по Ермилову, книга Нусинова — источник идеологии «безродного» космополитизма.

⁶⁶ См.: Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. М.; Л., 1938. С. 175—202.

⁶⁷ См. подробнее: А. С. Пушкин. 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951.

⁶⁸ См. подробнее: Молок Ю. А. Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии. М., 2000.

⁶⁹ Ср. хотя бы суждение С. И. Вавилова о том, что «пушкинское драгоценное литературное наследство помогает формировать сознание советского человека» (А. С. Пушкин. 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств. С. 12).

⁷⁰ Там же. С. 5. Здесь очевидно влияние панславистских взглядов Виноградова.

⁷¹ Это могло быть вызвано тем, что 30 марта 1949 г. министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов направил Г. М. Маленкову письмо, в котором просил исключить Виноградова из состава членов Высшей аттестационной комиссии, называя его «сторонником старого языкознания, отстаивающим отжившие традиции русской дореволюционной лингвистики и проповедующим чуждые советской науке формалистические теории сосюрианства и структурализма» (цит. по: Сонин А. С. ВАК СССР в послевоенные годы: Наука, идеология, политика // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2004. № 1. С. 20).

вил большую, двенадцатичастную, статью «Пушкин — основоположник русского литературного языка», которая была опубликована в сдвоенном выпуске «Известий Академии наук СССР» в июне 1949 года. Этот текст по праву может называться, перефразируя самого Виноградова, «квинтэссенцией» милитаристски ориентированной позднесталинской культуры. Уже в начале статьи с опорой на вышеприведенный фрагмент из книги 1945 года прямо формулируется установка на экспансию социалистического режима, осуществляющуюся посредством русского языка:

Язык великого народа, язык великой литературы и науки, он стал в наше время ярким выразителем социалистического содержания новой советской культуры и одним из ее живых *распространителей*. <...> ...современный русский язык является важнейшим источником, откуда <...> *распространяются по всему миру, по всем языкам мира понятия и термины советской культуры и цивилизации*.⁷²

Собственно лингвистическая аргументация Виноградова осталась прежней: Пушкин потому и является «основателем русского литературного языка», что именно в его творчестве произошло «слияние», «синтез» нескольких стилевых потоков, благодаря которому русский язык и вся русская культура встали «на широкий и свободный путь демократического развития».⁷³ Вполне симптоматичными для послевоенной эпохи оказываются обвинения «высшего дворянского круга» конца XVIII — начала XIX века в «антинародном, космополитическом стремлении к сближению среднего стиля с западноевропейской <...> лексикой и фразеологией».⁷⁴ В суждении Виноградова о том, что «в языке Пушкина вся предшествующая русская речевая культура» получила «качественное преобразование»,⁷⁵ нашла отражение ключевая идея сталинской

Однако уже в письме от 23 сентября того же года Кафтанов снял с Виноградова все обвинения, отзывав ходатайство Министерства об исключении академика из состава ВАК.

⁷² Виноградов В. В. А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка. С. 187; курсив наш. — Д. Ц. О насаждении соцреализма («новой советской культуры») в национальных культурах стран «народной демократии» см.: Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses. London; New York, 2018.

⁷³ Виноградов В. В. А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка. С. 188.

⁷⁴ Там же. С. 189.

⁷⁵ Там же. С. 191.

диалектики, предполагавшая неминуемый «скачкообразный переход» количества в качество. Материал для концептуального каркаса юбилейной статьи Виноградов, несомненно, черпал непосредственно из сферы позднесталинского идеологического дискурса.⁷⁶ Так, ученый писал: «Пушкинское слово сплавлено с бытом — сложным и противоречивым — и начинено взрывчатой силой его социальных, характеристических контрастов».⁷⁷ Эта же метафорическая модель (но с противоположным коннотативным значением) ляжет в основу заглавия антинобелевской статьи В. Дружинина «Премии, начиненные динамитом войны», напечатанной в «Литературной газете» 28 декабря 1950 года. Говоря о решении Пушкиным проблемы «гармонического соответствия мысли и ее словесного выражения»,⁷⁸ Виноградов предвосхитил сталинскую критику марризма в «Марксизме и вопросах языкознания» (1950), основанную на положении о «непосредственной связи языка и мышления».⁷⁹ Более того, тезис Сталина о том, что «современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина»,⁸⁰ также обнаруживает свои истоки именно в виноградовских построениях. В сталинской работе Пушкин единожды упомянут в приведенной выше фразе, но это не помешало Виноградову в 1953 году констатировать следующее:

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания внесли ясность в понимание исторического значения литературно-языковой деятельности Пушкина. В свете учения И. В. Сталина историческая заслуга Пушкина заключается в том, что силой своего творческого гения он способствовал развитию и совершенствованию элементов общенародного, национального русского языка. Пушкин обогатил язык русской художественной литературы новыми приемами стилистического использования народной речи, народной поэзии, новыми правилами стилистического сочетания и объединения разных элементов национального языка. Вместе с тем сама струк-

⁷⁶ Отметим, что этот аспект упущен в специальном исследовании Л. Н. Кузнецовой, посвященном идиостилю виноградовских текстов, — см.: *Кузнецова Л. Н. В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: Лингвориторический аспект* (на материале текстов о языке и стиле русских писателей): Дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013.

⁷⁷ Виноградов В. В. А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка. С. 199; курсив наш. — *Д. Ц.*

⁷⁸ Там же. С. 201.

⁷⁹ См. подробнее: *Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания*. [М.], 1950. С. 38—39.

⁸⁰ Там же. С. 9.

тура общерусского национального языка в ее живых и продуктивных формах впервые получила свое наглядное, концентрированное и полное выражение в языке Пушкина.⁸¹

Это утверждение, явно имеющее на себе отпечаток позднесталинской эпохи, могло бы затеряться в длинном ряду подобных ему, если бы не явная неувязка: все эти мысли принадлежали отнюдь не автору «трудов по вопросам языкознания», а самому Виноградову (о чем свидетельствуют все отмеченные выше метаморфозы его концепции), но приписываются они именно Сталину. Иначе говоря, «подарив» свою идею вождю, ученый обрел право на производство «священного текста власти».⁸² Примечательно и то, что этот фрагмент помещен в статье о языке Гоголя, которому Виноградов в 1936 году, повторимся, отдавал первенство в вопросе создания национального общерусского языка. К 1953 году позиция ученого значительным образом изменилась:

Виноградов В. В. Язык Гоголя.

Виноградов В. В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка.

«<перед Гоголем стояла> проблема нормализации форм “общенационального” выражения, проблема создания устойчивой “самобытной” системы русского национального языка — и в связи с этим проблема синтеза и структурного соотношения разностильных элементов в этой национально-языковой системе» (с. 287).

«Из основных положений сталинского, марксистского языкознания нам всем ясно теперь, что Гоголь не создал и не мог создать нового языка, что основа русского языка литературно-художественного и разговорного осталась та же» (с. 5).

Выходя за очерченный круг проблематики, заметим, что позднее академик Виноградов лично возглавит кампанию по борьбе с «антимарксистским», «клеветническим» «новым учением о языке» Н. Я. Марра;⁸³ в 1950 году он выступит с опубликованным впо-

⁸¹ Виноградов В. В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1953. Т. 3. С. 7.

⁸² Подорога В. А. «Голос власти» и «письмо власти» // Тоталитаризм как исторический феномен: Сб. статей. М., 1989. С. 111.

⁸³ Известно, что в библиотеке Виноградова был не только пятитомник избранных работ Н. Я. Марра (Л.: ГАИМК, 1933—1937), но и несколько изданий вышедшей в 1945 г. книги В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр:

следствии докладом «Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания» (М.: Издательство Академии педагогических наук СССР, 1950), а позднее под его редакцией (и с его участием) выйдут двухтомник «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» (М.: Издательство Академии наук СССР, 1951—1952) и сборник статей «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» (М.: Издательство Академии наук СССР, 1952). Брошюрой Виноградова «Основные задачи советской науки о языке в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» (М.: Учпедгиз, 1952) будет открыта научно-популярная книжная серия «Вопросы советского языкознания», организованная Институтом языкознания Академии наук СССР.

После смерти Сталина Виноградов сохранил за собой репутацию «первого человека» в советской русистике. Его работы 1950-х годов надолго определили пути развития отечественной филологии, сформировав несколько новых научных дисциплин, особое место среди которых заняли прочно вошедшие в университетские программы стилистика⁸⁴ и история русского литературного языка. Существенная же в данной работе попытка контекстуализации пушкиноведческих трудов Виноградова, рассмотрения текстов ученого как документальных свидетельств в более широком историко-культурном поле сталинской эпохи — только шаг на пути к всестороннему осмыслению научного наследия филолога.

Очерк его жизни и научной деятельности» (М.; Л.: Соцэкгиз, 1935); один из экземпляров с маргиналиями Виноградова в настоящее время хранится в нашем книжном собрании.

⁸⁴ Подробнее об этом направлении научной деятельности Виноградова см.: Бельчиков Ю. А. Труды академика В. В. Виноградова по русской стилистике и развитие стилистических исследований в последней трети XX в. // *Stilistika VI*. Opole, 1997. С. 51—68; Долинин К. А. Социалистический реализм в лингвистике: (К истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ. СПб., 2004. С. 607—620.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
*Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(Государственный архив Новгородской области)*
*Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(Томский государственный университет)*

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023